

Только теперь Мужун Ли окончательно понял, в чём же он ошибся, и почему учитель даже не стал вправлять ему конечности сразу, а просто швырнул на кровать.

Если бы на месте Го И был кто-то с более суровым нравом, Мужун Ли, возможно, и палкой бы отхватил и ещё не факт, что на этом бы всё закончилось.

Но Го И остановился на сказанном. Увидев в глазах Мужун Ли искреннее раскаяние, он больше ничего не добавил. Лишь подошёл и сам аккуратно вправил ему руку и ногу, велел не двигаться, после чего принялся собственноручно растирать и разминать всё тело, пока онемение не исчезло полностью. Лишь тогда он осторожно приподнял ученика, спросил, не болит ли ещё где.

Убедившись, что с ним всё в порядке, Го И вновь уложил его в постель, и бросив: «Хорошенько выпись. Завтра продолжим путь», — ушёл.

В комнате остался лишь Мужун Ли, коривший себя до боли в животе, ворочавшийся на постели добрую часть ночи, прежде чем, наконец, задремал.

Проснулся он под утро, когда небо только начинало светлеть, и первым делом увидел, что Го И снова, как в ту самую первую ночь в постоялом дворе, лежит рядом. Щёки Мужун Ли тут же залились румянцем, он украдкой поглядывал на учителя, а затем осторожно поднялся и вышел во двор за трактиром, чтобы попрактиковаться в боевых искусствах.

Он и не догадывался, что в этот день Го И уже поговорил с Го Ши, нашёл тех двоих, кому были отданы лошади, забрал их обратно и поручил телохранителям устроить тех людей на подходящую работу.

Он лишь заметил, что, когда они снова выступили в путь на следующий день, его отряд телохранителей смотрел на Го И с искренним восхищением и уже без малейшего сомнения. Го И, как обычно, ехал рядом с ним верхом. Две те самые лошади каким-то образом снова оказались при них, теперь они были запряжены в новую повозку, гружённую поклажей, а упряжку держал Го Ши, воссевший спереди как кучер.

С этого дня Мужун Ли больше не осмеливался самовольно решать, как строить маршрут, что закупать, какие одежды покупать, по каждому непонятному делу теперь сначала осторожно советовался с Го И и в дороге больше не случалось недоразумений.

Что касается Го Ши, то сначала он был в восторге. Радостно гнал повозку вперёд, всем видом показывая свою радость, но спустя несколько дней ему стало скучно, он начал отвлекаться и вертеть головой по сторонам. Хорошо ещё, что лошади у них оказались умные, иначе, пожалуй, давно бы завёл повозку в какое-нибудь болото.

Поэтому Го И как-то раз специально завёл сына в повозку, чтобы спокойно поговорить, а в это время вожжи передал Мужун Ли.

Говорили они вполголоса, даже Мужун Ли, сидевший на облучке, не разобрал ни слова. Но когда Го Ши вышел оттуда, он больше не отвлекался по сторонам и впоследствии стал внимательным, собранным и старательным во всём.

В один из дней в пути их застал ливень, как раз когда они находились в лесистой горной местности. Гроза разразилась внезапно, сверкнула молнии и прогремел гром за считанные минуты они промокли до нитки.

Го И велел Го Ши тщательно укрыть все продукты и сложить их внутрь повозки, приказал телохранителям и самому Го Ши укрыться под навесом, натянутым вокруг телеги. А сам вместе с Мужун Ли, не дожидаясь, пока закончится дождь, отправился на поиски укрытия. И только через долгое время им удалось отыскать заброшенный храм, где, дождавшись, пока ливень немного утих, вся группа перебралась внутрь, развела огонь, приготовила еду и переоделась в сухое.

С трудом приведя всё в порядок, все наконец-то уснули. Го Ши задремал ещё до того, как понял, где находится. Даже Мужун Ли уже едва держал глаза открытыми, а вот Го И, напротив, выглядел растерянным и один, в морозящем дожде, тихо вышел из храма.

Мужун Ли тут же поспешил за ним и, дойдя до входа, начал оглядываться по сторонам, как вдруг услышал сверху голос Го И:

— Не ищи. Мне просто нужно немного побыть одному.

Но в голосе его слышалась лёгкая хрипота, как будто он сдерживал слёзы.

Сердце Мужун Ли дрогнуло. Он никак не мог понять, что же такое произошло, что его строгий и мудрый учитель оказался в таком состоянии. Он с тревогой окликнул:

— Учитель, вы что, промокли и простудились? Вернитесь в храм, не заболейте, не стоит тревожить нас с младшим учеником!

Но Го И настаивал, чтобы он остался внутри и не следовал за ним. Тогда упрямый Мужун Ли как вкопанный застыл под дождём, всей своей фигурой показывая: «Пока вы не вернётесь, я тоже не двинусь с места». Го И только тяжело вздохнул и, не в силах спорить, махнул рукой, позволяя ему идти следом в гору.

Несколькими стремительными прыжками они углубились в лес. Мужун Ли, охваченный тревогой и любопытством, осторожно шёл за учителем, пока наконец не увидел, как впереди лес резко расступился, открывая небольшую поляну.

Го И замедлил шаг, подошёл к большому дереву у края поляны и, вынув из-под просторной одежды несколько маленьких бутылочек с вином и свёрток, аккуратно положил их под дерево.

— Учитель... — растерянно выдохнул Мужун Ли . — Вы... принесли свёрток... Зачем? Что вы собираетесь делать?..

Го И поднял голову, бросил на него короткий взгляд, покачал головой и ничего не ответил. Он лишь указал на бутылочки с вином, давая понять, чтобы Мужун Ли взял их, а сам поднял небольшой свёрток и направился в центр поляны.

Мужун Ли послушно прижал к груди бутылки и последовал за ним. Только когда они оба присели на землю, он заметил, что в раскрытом свёртке лежат свечи, бумажные деньги и другие принадлежности для поминального ритуала.

Он ещё не успел ничего спросить, как Го И уже зажжёт свечи с помощью огнива, поджжёт несколько благовоний и, встав на колени, повернулся лицом на юго-запад в сторону столицы. Он медленно подносил бумажные деньги к огню, а сам негромко бормотал:

— Юньэр, моя дорогая супруга... Вот уже пятый Фестиваль Призраков* с тех пор, как ты ушла. Наш сын Ши Эр в порядке, не тревожься. Но я... Я снова покидаю Тянь-Шань и возвращаюсь в столицу. Юньэр, будь спокойна, я непременно найду настоящую причину твоей смерти... и утешу твою душу в подземном мире!

*В китайской культуре 15-й день седьмого месяца по лунному календарю называется Днём голодных духов, а седьмой месяц обычно считается Месяцем духов, в который призраки и духи, в том числе умерших предков, выходят из нижнего царства и посещают живых.

Произнеся это, Го И взглянул на Мужун Ли , сложил ладони, и, оставаясь на коленях, трижды поклонился перед огнём, в который улетали бумажные жертвы. Затем он извлёк свою любимую нефритовую флейту, ту самую, мелодию которой Мужун Ли уже слышал раньше, и начал играть ту печальную, пронизывающую мелодию.

Мужун Ли всё это время стоял на коленях рядом, осторожно подкладывая бумажные деньги в пламя, и в его глазах тоже начали мерцать слёзы. Он тихо отпил вина, слушая слова своего учителя, слушая музыку... и глядя, как тот в одиночестве, под дождём, оплакивает умершую жену. Боль в груди Мужун Ли становилась всё сильнее, ему хотелось немедленно вернуться в столицу, просить у старшего брата, императора Мужун Ши, расследовать всё до конца и найти убийцу шинян. Ему казалось, что если это сделать, Го И больше не будет так печален, не будет так страдать... И тогда у него самого в душе тоже перестанет болеть. Но пока ему оставалось только сдерживать свои чувства, не переходя грань дозволенного.

Однако Го И в эту ночь, казалось, особенно тосковал по покойной жене: одну печальную мелодию он сменял другой, ни разу не повторившись за полночь, и все они были столь трогательны, что сами по себе могли довести до слёз.

В итоге даже Мужун Ли — великий князь и военачальник — не выдержал и, стоя на коленях рядом, разрыдался навзрыд, совершенно без стеснения.

Го И почувствовал себя крайне неловко, решив, что невольно всколыхнул у Мужун Ли боль утраты отца. Он поспешно спрятал флейту, обнял рыдающего ученика и начал мягко его утешать, как утешают ребёнка, долго приговаривал что-то успокаивающее, утирал ему слёзы рукавом и был необычайно заботлив.

Мужун Ли, ощущая, как Го И так по-доброму его обнимает и утешает, в душе испытывал всё больше внутреннего смятения, но всё равно не решался сделать ничего лишнего, он просто крепче прижался к Го И, и слёзы у него покатались ещё сильнее.

А Го И, приняв всё за проявление сыновней привязанности, ничего не заподозрил. Он считал, что в этом нет ничего странного, ведь между ними отношения как между отцом и сыном, учителем и учеником. Потому он и позволил Мужун Ли обнимать себя на обратном пути к заброшенному храму под тихим рассветным дождём, даже не пытаясь отстраниться.

Лишь когда храм уже был виден совсем близко, Мужун Ли сам отстранился, сославшись на усталость. Он быстро юркнул в сторону к своим телохранителям, с заплаканными глазами схватил чей-то плед, закутался в него с головы до ног и свернулся клубочком.

Увидев это, Го И только сильнее проникся сочувствием. Он решил, что Мужун Ли слишком расстроен, чтобы разговаривать, и велел всем, и телохранителям, и Го Ши, не беспокоить его, а сам остался сторожить покой ученика, никому не позволял шуметь, заходить или выходить, чтобы, не дай бог, не потревожить отдыхающего Мужун Ли.

Го Ши был недоволен: встретив холодный взгляд отца, он всё же шагнул обратно в храм и громко спросил:

— Отец, вы в конце концов считаете его учеником или родным сыном? Почему вы относитесь к нему теплее и лучше, чем ко мне?

Го И, испугавшись, поспешно вытянул сына за собой за пределы храма и с осторожностью объяснил, ради чего они с Мужун Ли уходили ночью. Правда, про то, как семифутовый мужчина-воин рыдал, как ребёнок, он упомянуть не решился.

Го Ши, выслушав, немного успокоился, но затем начал переживать уже по другой причине: ему стало обидно, что отец ходил поминать мать один. Чем больше он об этом думал, тем грустнее становилось на сердце. Он уткнулся в грудь отца и разрыдался, в конце концов уснув прямо у него на руках.

В итоге отряд Го И провёл в заброшенном храме ещё один лишний день, прежде чем снова тронуться в путь.

Путешествие длилось более полумесяца, и не было никаких происшествий. Хотя все немного устали, но духом не падали. Только вот Го Ши все чаще и чаще поглядывал на Мужун Ли с неприязнью. Он не знал, был ли он немного робким, когда увидел приближающуюся столицу,

или он действительно чувствовал, что старший брат - князь был слишком близок к его отцу и был осторожен.

Го И поначалу не придавал этому значения, решив, что это просто холодный характер ребенка, который не может привыкнуть к незнакомцам, и со временем привыкнет. Но, к его удивлению, ситуация только ухудшалась. Несколько раз ему даже пришлось вмешиваться и резко осадить сына, и тогда Го Ши, с покрасневшим от гнева лицом, упрямо прятался в карете, никого не желая видеть, и сидел там до самого вечера.

А если на ночёвку останавливались не в постоянном дворе, а в дикой местности, он и вовсе отказывался выходить даже на ужин.

В отчаянии Го И снова среди ночи сбежал к озеру, находившемуся на некотором расстоянии от места лагеря, и заиграл на флейте, стоя в одиночестве перед озером.

<http://bllate.org/book/13723/1213806>